

Джеваир
Крымская новелла

I

Сидя перед своим домом на утрамбованной земле, покрытой толстым куском карасубазарского войлока, мулла Сейт-Зеймедин любовался панорамой Капсихорской долины¹. Это был великолепный старец, истинный потомок одного из тех татарских вождей, которые под именем улугбеев долгое время правили Тавридой, в то время как их братья из Золотой Орды, совершая свои набеги, присоединяли к владениям хана Батые огромные территории, простирающиеся от склонов Алтайских гор до самой Москвы. Конечно, старик Зеймедин был лишен величия своих знаменитых предков, о существовании которых он, вероятно, даже и не догадывался, но вместе с тем частенько высокое происхождение муллы проявлялось в его благородных жестах, в редкой, холодной, пренебрежительной улыбке и в переменчивости его взгляда, то мягкого и ласкового, то пронзительного, как лезвие кривой турецкой сабли. Облаченный в широкий красный бешик², машинально перебирая четки из янтаря и бирюзы, старик не отрывал глаз от Капсихорской долины, где семьдесят лет назад он появился на свет и которую покидал лишь один только раз для совершения традиционного хаджа

© Перевод с французского Геннадия Беднарчика, 2013.

© <http://imwerden.de>

Louis de Soudak "Djevahir" Nouvelle crimeenne Revue de Suisse, T. 38, 1905.

¹ Деревня Капсихор (сегодня Морское) расположена в 16 км. от Судака (Прим. переводчика).

² Суконный татарский кафтан (Прим. переводчика).

в Мекку. Величественно-античная голова старца, украшенная белым тюрбаном хаджи, обрамленная длинной снежной бородой, вместе с выражением необъяснимой безмятежности придавала его лицу, загоревшему на ветру, оттенок вечной молодости.

Долина простиралась у его ног от самых крайних домов деревни до моря, шлейф которого тянулся под безоблачным небом до самой линии горизонта.

Было начало апреля. Деревья пока еще не покрылись листвой, но от макушек высоких тополей до самых потаенных веточек кустарников, из глубины долины, где старые виноградники возводили в виде бронзовых канделябров свою бесчисленную лозу, до горных хребтов с их вековыми соснами и парящими в небе орлами, — повсюду чувствовались пьянящие весенние флюиды. В некоторых садах уже цвели сливовые деревья, и теплый бриз уходящего дня доносил до деревни их медовый аромат.

Пребывая в задумчивом состоянии, продолжая перебирать четки, старик Зеймедин созерцал долину, каждый уголок которой пробуждал в нем такие дорогие и далекие воспоминания: вот растущее у самого пляжа раскидистое ореховое дерево, посаженное его отцом четверть часа спустя после рождения Зеймедина с целью увековечить память о дне появления на свет своего первенца...; а вот дорогие его сердцу тропинки, по которым он в детстве бегал в поисках сладкого винограда и вишен...; а там, слева, заходящее солнце покрыло золотистым тюрбаном погребальный холм, усеянный плоскими, устремленными к небу камнями; под этими плитами спят вечным сном его многочисленные друзья...

По дороге, ведущей от фонтана к дому муллы, медленно шли две девушки, неся на голове медные кувшины с водой. Они весело щебетали и звонко смеялись, срывая по пути цветы шиповника тем грациозным жестом, которым древние скульпторы так восхищались и который стремились навсегда запечатлеть в мраморе.

На первом же повороте дороги девушки попрощались друг с другом, приветливо помахав рукой; одна из них на-

правилась вдоль мечети в направлении верхней части деревни, а другая, поднявшись по деревянной лесенке, скрылась за низенькой дверью дома Зеймедина, предварительно скинув у порога свои прелестные бабуши³.

«Заиме! — крикнул старик, — принеси мне огня!» Отложив свои четки на подстилку и протянув руку, привычным жестом он снял с внешней рамки узкого решетчатого окошка, расположенного позади него, длинную курительную трубку с миниатюрной головкой и набил ее табаком. Запылавшаяся девушка подбежала к старику и, протягивая ему раскаленный уголек, зажатый в коротких железных щипцах, проговорила: «Отец, Гульзум только что сообщил мне о том, что он и еще шестеро парней отправляются на заработки на Кавказ».

Старик сухо спросил: «А Джеваир?..» Девушка покраснела и ответила с сомнением: «Джеваир?.. Не знаю...» Гневно выпустив изо рта клубок дыма, который, поднявшись вверх, был похож на клок его собственной белоснежной бороды, мулла заявил самым решительным тоном: «Так вот, я считаю, что Джеваир должен быть среди первых, отправляющихся на заработки!.. Что ему здесь делать?.. Джеваир хочет жениться на тебе!.. А ведь он далеко не единственный претендент!.. Вы оба, вероятно, решили испытать мое терпение... Не выйдет! Я сто раз повторял этому парню, что пока у него не будет дома, куда бы он смог привести свою жену, не видать ему моей дочери. А ведь он пока еще не заработал даже на первый камень своей постройки!.. Разве ему не известно о том, что сегодня татарин не может нормально обеспечить свою семью, проживая в Крыму?.. Пусть уезжает с другими на Кавказ. Там он с легкостью будет зарабатывать не меньше одного рубля в день, а когда поднакопит достаточно денег, пусть возвращается назад, и там видно будет!..» Не говоря ни слова, дрожащая Заиме прислонилась к косяку двери. Одной рукою она сжала виски, а другой стиснула складки своего шелкового кафтана. Ее затуманившийся взгляд, трепетание

³ Мягкие туфли без задника (Прим. переводчика).

ноздрей, сжатые губы, все ее состояние говорили о глубокой девичьей печали и об упадке ее духа.

Без сомнения, Заиме была самой прекрасной девушкой Крыма, где до сих пор вспоминают о ее несравненной красоте. Один великий князь, проезжая по Капсихору, будучи поражен ее совершенством, подарил ей в знак своего восхищения дорогое украшение. Дело в том, что эта девушка обладала такой красотой, которую сегодня уже нигде не встретишь: она была божественно прекрасна, как горный родник, как полевой цветок; только такая красота способна вдохновить на написание «Песни песен». В ее взгляде, улыбке и жесте ощущалась огромная душевная доброта, и это, без сомнения, придавало ее большим черным глазам, украшенным шелком длинных ресниц, таинственное обаяние; удивительная детская красота уголков ее рта в минуты веселия расцветала блеском ее белоснежных зубов. Но ничто не могло сравниться с элегантностью ее походки, с нежной гибкостью ее стройной фигуры, с изяществом ее малейших движений, с красотой ее самых обыденных поз...

Стоя неподвижно у порога своего деревенского дома с грустным взглядом и тяжелым сердцем, Заиме высматривала кого-то где-то вдали. Тем временем, ее отец, вернувшись к своим янтарно-бирюзовым четкам, машинально следил взглядом за парусником на горизонте, окрашенным последними лучами заходящего солнца.

II

И вдруг со стороны моря послышался долгий высокий крик, крик чайки, попавшей в бурю... Затем этот звук перерос в неясный гул эха, наплывающего со всех сторон, и ниоткуда... На самом деле, это был сигнал к окончанию сельскохозяйственных работ. Следуя старинному обычаю, те, кто трудился ближе к морю, первыми замечали заход солнца за Сокол-гору и криком сообщали об этом остальным. Постепенно этот крик распространялся от сада к саду вплоть до

самого центра долины. В ту же секунду, взвалив лопату на плечо, каждый землекоп отправлялся к себе домой.

Из деревни можно было видеть, как вдалеке на холмах со всех сторон появляются лилипутские группки людей. Они, как белки, преодолевают овраги и изгороди, перекрикиваясь друг с другом просто ради удовольствия от игры с эхом; затем, словно по приказу, все одновременно припадают на колени и пьют воду из одного и того же ручья, склонив к нему голову и как бы делясь с ним своими секретами; а потом, поспежавшие, быстро вскакивают на ноги и продолжают свой путь домой, полностью позабыв о тяготах трудового дня. За ними размеренным шагом следуют те, кто повзрослей. К спине у них, обычно, привязана вязанка сухой виноградной лозы для очага или охапка свежей травы для домашней коровы.

Слева к группе, возглавляемой музыкантом-волынщиком, быстро присоединилось множество других групп. Образовалась целая процессия, замороженная гнусавыми мелодиями неумолимой волынки...Солнце зашло, из деревенских домов показался дым, а над долиной воспарил тонкий просительный голос муэдзина.

Погруженная в свои грустные мысли Заиме неожиданно повернулась и скрылась за дверью жилища. Дело в том, что мимо ее дома в этот момент проходила группа землекопов, и элементарные правила приличия требовали от девушки не обнаруживать себя в присутствии незнакомых мужчин. Землекопы почтительно здоровались с Сейт-Зеймедином, который по-отечески обращался к ним: «Эй, Суин! У кого ты сегодня трудился?» «Саглиль, твой отец уже вернулся из Каффы?..» «Ну и ну, Абдул-Гани, ты так усердно работал, что даже сломал свою лопату?!» И каждый, к кому он обращался, проходя мимо муллы, с детской застенчивостью уважительно отвечал на вопросы старика. Вот прошла процессия во главе с волынщиком. Наконец, показалась последняя группа, замедлившая свой шаг, по причине жаркого спора. Каждую минуту спорщики останавливались, обмениваясь шумными репликами. Как только они поравнялись с Зейме-

дином, старик окликнул их: «Дети мои, что случилось? Вы говорите все одновременно и перекрикиваете друг друга, как будто кругом одни глухие!» Вместо ответа, землекопы покорно сгрудились вокруг муллы и начали жаловаться. Они продолжали говорить все одновременно, подчеркивая каждое слово определенным жестом; те, кто пониже ростом, вставляли на носки и, вытянув шеи, махали руками в надежде обратить на себя внимание. Лишь один из них оставался молчаливым. Он сидел в сторонке напротив маленькой террасы. Опершись двумя руками на длинный черенок лопаты и подперев свой подбородок, он, кажется, был очень далек от всего происходящего вокруг него. Его взгляд был прикован к решетке маленького окна, за которым Заиме располагалась таким образом, что только он один мог заметить прекрасные, томные глаза девушки, сверкающие в сумерках ее убежища. Этим молчаливым крепким парнем был никто иной, как Джеваир, единственный, кто пока осмелился просить у Сейт-Зеймедина руки его дочери.

Тем временем, спор разгорался и без вмешательства муллы он грозил перерасти в ссору. Речь шла об орошении, одном из основных предметов спора в Крыму, особенно, в период засухи.

По мнению некоторых спорщиков, один из них перекрыл воду в общем канале для полива своего участка вне очереди; другие утверждали обратное. В таких случаях только житейский опыт мог вершить правосудие и лучшим обладателем этого опыта был, естественно, Сейт-Займедин, который с высоты своего возраста, учитывая тысячи прецедентов в прошлом, мог предложить справедливое решение данного спора. Сначала мулла дал выговориться всем без исключения, лишь изредка жестом осаждая наиболее рьяных крикунов; а затем, оставаясь в состоянии невозмутимого спокойствия, высказал свое тщательно продуманное мнение. Слушали его молча, не шевелясь. В конце своей речи он произнес: «А теперь, идите с миром, дети мои». И вся компания, явно удовлетворенная мудрым решением муллы, спокойно разошлась по домам. Джеваир, не торопясь выходить из своего

состояния влюбленности, все же закинув, наконец, лопату на плечо, последним намеревался покинуть это место, когда Сейт-Зеймедин повелительным жестом остановил его:

«Джеваир! Послушай меня!..» С почтительной поспешностью молодой человек подошел к старику, перебивавшему свои четки. «Только что Заиме сказала мне, что завтра Гульзум со своими товарищами отправляется на Кавказ». «Да, это так, отец, они мне тоже сообщили об этом». «А ты?..» «Я...не знаю...»

Смущенный Джеваир умолк, опустив голову. Взгляд мудлы посуровел. Решительным тоном он продолжил: «Если ты хочешь получить в жены мою дочь, ты должен поехать с ними на заработки... Сколько раз я повторял тебе, что соглашусь на эту свадьбу только после того, как ты построишь себе дом! И на какие же деньги ты собираешься его строить?..»

Знай, что я никогда тебе в этом не уступлю, и, если в ближайшее время ты ничего не предпримешь, я отдам Заиме одному из тех, кто также желает взять ее в жены, а таких, среди которых есть очень богатые женихи, ох как немало! Кстати, не собираешься ли ты пополнить семью кукушек, которые способны жить лишь только в чужих гнездах?..»

При этих словах Джеваир, с трудом сдерживая гнев, с силой вонзил в землю свою лопату. Подняв на старика свои большие, полные угрозы глаза, он заметил, как Заиме, широко раскрыв свои руки, головой подает ему знак, чтобы он соглашался на условия ее отца... Джеваир все понял и решительно произнес:

«Хорошо, отец, завтра же я отправлюсь на Кавказ».

Голос Сейт-Зеймедина стал более мягким и более отеческим:

«В добрый час, сынок! Накопи денег на строительство дома, а я выделю тебе земельный участок...»

С трогательно-умоляющей интонацией Джеваир произнес:

«Отец, обещайте сохранить Заиме только для меня!»

Старик ответил: «Ей было всего пять лет, а тебе двенадцать, когда совместно с твоим отцом, который на протяжении пятидесяти лет был мне почти как брат, мы задумали вас поженить. Вот уже двенадцать лет, как нет твоего отца, но его воля и память о нем священны для меня. Ты можешь отправляться со спокойной душой...Возьми в дорогу эти десять рублий и пусть Аллах бережет тебя!..»

Джеваир взял деньги и, низко поклонившись, дотронулся до земли тыльной стороной своей руки, затем этой же рукой он прикоснулся ко лбу и к губам, произнеся при этом слова соответствующей молитвы. Бросив быстрый взгляд на маленькое окошко и опустив голову, он удалился с печальной улыбкой на устах.

III

Некоторое время спустя вся долина погрузилась в сон. В этих краях, где взаимоотношения между молодыми людьми не должны были быть известны их родителям, ночь была предназначена для любовных свиданий и для нескончаемых бесед, которые велись шепотом через деревянные оконные решетки. Было тихо и только изредка слышался лай бродячих собак, а из садов доносилось жалобное пение ночных птиц. Так же, как в лучах света отдельный замок выглядит еще более одиноким, полная луна только подчеркивает безмолвие тихой долины. Мягкий лунный свет обволакивал дали красновато-коричневым инеем с золотистым отливом и покрывал серебристой мантией окружающие горы, которые в результате этой фантастической игры цветовых оттенков казались какими-то сказочными изваяниями, вершины которых ласкают звезды макушками своих многовековых сен...

Чуть ниже того места, где располагался дом Сейт-Зеймедина, кто-то бесшумно перепрыгнул через изгородь, внезапно нарушив неподвижность глубокого сна окружающей природы. Вскоре на фоне яркой белизны дороги, отбрасывая гигантскую тень, четко обозначился мужской силуэт. Прибли-

жившись к жилищу муллы, мягким прыжком газели он достиг одного из маленьких зарешеченных окошек дома. Это был Джеваир. Твердо решив отправиться в путь на рассвете следующего дня, он пришел попрощаться с Заиме. Влюбленный юноша долго стоял у окна, прижавшись лицом к деревянной решетке. Время от времени он покрывал безумными поцелуями маленькую девичью ручку, судорожно сжатые пальцы которой безуспешно пытались удержать в пустоте ускользающее счастье.

Джеваир рассказывал Заиме об их будущем. Итак, он уедет на Кавказ и будет там так самоотверженно работать, что сумеет вернуться еще до конца этого года. И тогда он построит дом и они будут счастливо жить вместе до самой своей смерти.

Увлечшись мечтаниями, влюбленные в деталях рассказывали друг другу, какая волшебная жизнь ожидает их в будущем... Когда пробил час расставания, Заиме передала Джеваиру вышитый ее руками шелковый пояс и кавказский кинжал в серебряных ножнах, на лезвии которого были выгравированы их имена. Джеваир, тело которого сотрясилось от рыданий, с жаром припал губами к ручке своей возлюбленной, а затем, резко выпрямившись, бросился прочь, не оборачиваясь, сотрясая воздух жестами отчаяния.

Тем временем, луна медленно стирала все тени на своем пути, направив бледные лучи на самые потаенные места высоко в горах. Как гигантская облатка в своей дароносице, украшенной звездами, она поднималась вверх по прекрасному небосводу. А внизу, казалось, вся природа застыла в общей молитве.

IV

Когда на следующий день первые лучи солнца осветили деревню, Джеваир был уже далеко отсюда, и его неожиданный отъезд опечалил всю местную молодежь. Ведь этот парень не был первым встречным: единственный сын прекрасного человека, почти святого, который на протяжении полу-

века выполнял обязанности деревенского муллы, Джеваир с самого раннего детства выделялся своим умом и своей уникальной памятью. Его отец решил заставить сына выучить наизусть весь Коран, что в мусульманском мире считается начальной ученой степенью. Когда Джеваиру исполнилось девять лет, он уже мог с легкостью процитировать добрую половину священной книги. Однако одним прекрасным весенним днем его юное мышление пришло к выводу о практической бесполезности этого упражнения: для чего заучивать, как попугай, священный текст, когда его всегда можно просто прочесть и помедитировать в нужное время. И, несмотря на настойчивые уговоры отца, Джеваир забросил это неблагодарное занятие и полностью отдался, как и все его друзья, виноградарству, где быстро достиг замечательных успехов. В свои пятнадцать лет он лучше всех знал секреты обрезания виноградной лозы, умел точно направить отводок и привить побег. Самые лучшие землекопы признавали его мастерство, когда Джеваир мощным напором своей лодыжки, как будто припаянной к перекладине лопаты, полностью вгонял ее клинок в землю, а затем с легкостью ворочал громадные земляные глыбы.

Кроме того, его успехи в борьбе, в зимней охоте, так же, как и удивительная ловкость во всем, за что он брался, только добавляли уважения к этому парню. Всем было известно, что еще подростком на охоте он убил двух косуль и трех орлов, а в возрасте восемнадцати лет Джеваир во время свадьбы трижды уложил на лопатки знаменитого борца из Бахчисарая Аблалима. Наконец, после нескольких уроков одного заезжего кавказского ювелира он научился мастерски чернить и гравировать на металле удивительные арабески. Все эти многочисленные таланты Джеваира только подчеркивали его горделивую скромность, доброту сердца и особенное чувство справедливости, способствующее тому, что молодежь всегда избирала его арбитром в своих многочисленных спорах.

Итак, ранним утром Джеваир и еще семеро его товарищей отправились в путь. Весь свой скромный багаж они за-

вернули в бурки, закинули их за спину, а свободные рукава повязали на груди. Наскоро соорудив себе палки из кизила, парни пешком направились в Судак, где часа через два они должны были взойти на борт корабля, отплывающего в Бату-ми.

Возглавлял эту группу весельчак Гульзум, единственный, кто, посетив уже три раза Кавказ, кое-что знал об этом крае. Удивительный персонаж, этот Гульзум! Среди его предков, без сомнения, был один из тех знаменитых шутов, которые в ханский период веселили обитателей дворцов Тавриды: к бесформенному туловищу примыкали короткие, выгибающиеся наружу, похожие на садовый нож, ноги, но ничто не могло сравниться с уморительностью его лица, безразмерный рот которого тянулся от одного уха до другого, а устремившийся вверх нос, казалось, постоянно пытался увернуться от угрожающей ему бездны рта. Этот крымский квазимодо был бы отталкивающе уродлив, если бы не удивительная красота его больших умных глаз, полностью преображающих эту гротескную маску и заставляющих забывать о всех физических недостатках этого юноши.

Влекомый своим бродяжническим духом, Гульзум исходил все побережье от Феодосии до самого Севастополя; около трех месяцев он проработал официантом в одном из харьковских ресторанов, затем несколько раз побывал на Кавказе, где никогда не задерживался более шести месяцев, так как, сильно скучая по Родине, он каждый раз возвращался в свою деревню, где сразу же после прибытия начинал грезить о новых путешествиях. Обладая поразительным чувством наблюдательности, неотразимым комизмом и редкой способностью к имитации, за время своих многочисленных странствий Гульзум сформировал целый репертуар смешных историй и анекдотов, которым он умело и к месту пользовался; кстати, ему очень хорошо были известны все шутки знаменитого восточного весельчака Насреддина.

Гульзума любили и искали встречи с ним, хотя большим уважением он не пользовался из-за своих скандальных воль-

ностей по отношению к выполнению самых элементарных предписаний Корана.

Этим утром он был веселее обычного, потому что сопровождал самого Джеваира, к которому питал исключительную привязанность. Гульзум был горд тем, что мог быть полезен Джеваиру, который, обычно, не нуждался ни в чьей помощи, он указывал путь этому человеку, сообщал ему нужные сведения, а главное, пользовался его доверием! Гульзум любил повторять: «На свете есть только один Крым, в Крыму живет только один Джеваир, а у Джеваира есть только один Гульзум!» Поэтому он очень гордился тем, что ему выпала честь показать Кавказ Джеваиру и представить Джеваира Кавказу.

На рассвете, после часа ходьбы по узким тропинкам вся компания, вытянувшись цепочкой, во главе с Гульзумом вошла в Кутлак. Весельчак болтал без умолку. Он рассказывал о своем последнем плавании, в ходе которого едва не пошел ко дну. Не замедляя шага, жестами и голосом подражая двум напуганным бурей одесским евреям, Гульзум разыгрывал сценку слезных молений этих пассажиров перед взбешенным капитаном судна, которому они постоянно мешали отдавать приказы. Слово за слово этот неутомимый балагур плавно перешел к описанию жизни мужчин и женщин на Кавказе...

В Кутлаке они сделали привал на площади у фонтана, быстро перекусили хлебом, натертым чесноком, и продолжили свой путь. В Судак они прибыли как раз в ту минуту, когда их пароход давал первый гудок к отплытию

До этого момента Джеваир иногда еще присоединялся к шуткам своих товарищей, но когда пароход, дав последний гудок, снялся с якоря, когда мимо него стали проплывать милые его сердцу горы, он испытал невыносимую боль; весь мир померк вокруг него; он лег в уголке на палубе, натянул на лицо свою бурку и, притворившись спящим, дал волю своим слезам... В таком небывалом для него отчаянии он пробыл два долгих часа.

В первом же порту захода корабля Джеваир сделал вид, будто только что проснулся; он проявил интерес к действиям экипажа, к передвижениям пассажиров. Но, как только заработал корабельный винт, он вновь почувствовал, как грубая неведомая сила сжала его сердце...

Первый день плавания показался Джеваиру целой вечностью. Вечером, когда они покидали Новороссийск, взошла луна, погрузившая в спокойную, прозрачную воду моря свою яркую шевелюру. У Джеваира уже просто не было сил скрывать свою печаль. Он не плакал, а просто молча сидел на месте среди своих товарищей, выискивая взглядом на горизонте воображаемую точку расположения благословенного Капсихора. Иногда он обращал свой болезненный взор на красавицу луну, свидетельницу их последнего свидания...

В какой-то момент самый молодой из парней похлопал его по плечу: «Не грусти, Джеваир! Будь повеселей! Аллах вернет нам все, что мы оставили у себя дома». А тут и Гульзум подоспел со своим анекдотом: «Однажды, – начал он, – возвращаясь с рынка, осел Насреддина упал и помер от голода. Присев рядом с трупом бедного животного, его хозяин горько заплакал. Тут к нему на богато украшенном коне подъехал знатный мурза:

«Мулла, как ты можешь горевать по такому ничтожному поводу! Это грех! Веруй и Аллах вернет тебе твоего осла!»

«Уважаемый, - ответил Насреддин, – будучи муллой, я довольно хорошо изучил нашего Аллаха...Поверьте мне, меньше, чем за сорок пиастров, он никогда не согласится вернуть мне моего осла!...»

Все засмеялись, в то время как раздраженный Джеваир молча направился на корму и прилег рядом с якорной цепью...

V

Два дня спустя они прибыли в Батум. С этого момента Джеваир машинально следовал за своими товарищами, ощущая в душе глубокую рану, которая расширялась по

мере увеличения расстояния, отделявшего его от родной деревни. Сначала он ехал по железной дороге, затем долго шел пешком и, наконец, к вечеру прибыл на виноградную плантацию, хозяин которой нанял их для завершения весенних работ. Где они находились? Джеваир не имел об этом никакого понятия. Он слышал, как упоминали расположенный поблизости город Кутаис, но это его мало интересовало. Он желал только одного: побыстрее начать работать, чтобы пораньше вернуться к своей любимой.

На следующий день Джеваир приступил к работе с таким усердием, что был отмечен самим управляющим. В конце недели ему предложили платить не за рабочий день, а за объем выполненной работы. Он с радостью согласился, так как это позволяло ему намного быстрее получить необходимую сумму. Джеваир трудился с каким-то остервенением. Ранним утром, когда все еще спали, он брал лопату и с первыми лучами солнца приступал к работе, которую заканчивал поздно вечером. Днем, чтобы подкрепиться, он, обычно, довольствовался одним лишь куском хлеба, натертым чесноком. После такого тяжелого дня он без сил валился на землю и мгновенно засыпал, в то время как его товарищи, сидя у костра из виноградной лозы под большим звездным небом, наслаждались байками уморительного Гульзума, который частенько повторял Джеваиру: «Осторожно, дружище! Ты слишком много хочешь. Нельзя удержать в одной руке сразу два арбуза!»

По окончании весны Джеваир подсчитал свой доход. До желанной суммы ему доставало пятидесяти рублей. Поэтому он решил подрядиться еще и на летний цикл работ: удаление лишних побегов виноградной лозы, окуливание серой и т. д. Мало-помалу к нему вернулось хорошее настроение. Он с удовольствием участвовал в шутливых розыгрышах Гульзума, пел и плясал вместе с другими. И все это потому, что Джеваир чувствовал приближение счастливой минуты, когда он сможет отправиться назад в свой дорогой Крым...

Однако, однажды утром он с удивлением почувствовал, что не готов к активному физическому труду. Его тело охватила огромная усталость. Вечером Джеваир погрузился в тяжелый сон. На следующий день ему стало еще хуже. Более он уже не мог работать. «Это лихорадка, дружище, – с видом знатока заявил ему Гульзум, – самое лучшее, что ты можешь предпринять с целью избежать трагического конца? – это немедленно вернуться назад». В течение нескольких дней Джеваир безуспешно пытался бороться с болезнью, но в конце концов, по настоятельной просьбе управляющего, он все же был вынужден начать собираться в дорогу. При расчете он получил неожиданную премию. Таким образом, Джеваир все-таки заработал свои счастливые триста рублей! Трепетно пересчитав несколько раз денежные купюры, он тщательно спрятал их в свой кожаный кошелек и с легким сердцем, но с огромной физической немощью отправился в путь.

Два дня спустя в Батуме, шатаясь от усталости и героических усилий по борьбе с неведомым недугом, он взошел на корабль...

VI

Однажды утром через две недели Джеваир, наконец-то, пришел в себя. Он не понимал, где находится. Это был длинный зал, по обеим сторонам которого тянулись кровати. Напротив него некое бесформенное существо время от времени издавало стоны, а вдалеке трое людей в белых халатах озабоченно склонились над человеческим телом, похожим на труп.

Неужели это очередной кошмарный сон? Вероятно... И все же с большим трудом Джеваир стал осознавать окружающую его реальность. Ему рассказали, что во время плавания из Батума с ним случился такой сильный приступ лихорадки, что его вынуждены были снять с корабля и доставить в феодосийский госпиталь... Феодосия?.. Так ведь это всего лишь в 60-ти верстах от его ненаглядной Заиме! Эта мысль мгновенно добавила ему сил. Джеваиру было еще да-

леко до полного выздоровления, но главный врач, уступив его настойчивым просьбам, все же выписал парня из больницы. По правилам Джеваир должен был сдать больничный халат и взамен получить свои личные вещи и одежду. Именно здесь его подстерегала очень неприятная неожиданность. В своем багаже он обнаружил лишь только пояс и кинжал, подаренные ему Заиме, а вот кожаный кошелек был абсолютно пуст! В ужасе он обратился в администрацию госпиталя; ему ответили, что они могут вернуть только то, что сами получили; видимо, его действительно обокрал один из тех ловких воришек, которые специально ради наживы садятся на корабль и ждут удобного момента, чтобы обчистить карманы пьяниц или больных людей...

Боль Джеваира была неопикуемой. Впервые его душу заполнили неизвестные ему доселе дурные предчувствия. На протяжении долгого времени вселенная представлялась ему всего лишь его дорогой долиной, где он, молодой, свободный и красивый, купался в любви к Заиме, прекраснейшему, божественному созданию. Его любовные переживания только усиливали нежное чувство радости жизни. Сейчас впервые он видел торжество несправедливости, впервые ненависть, как злобное существо, закралась в его сердце: неужели кто-то неизвестный может безнаказанно присваивать себе плоды чужого труда?.. Где же тот безымянный сообщник, способный покрывать такого преступника?..

В этом смятении мыслей, осознавая полную беспомощность, гнев Джеваира набирал свою силу.

Наш герой покинул госпиталь и пустынными улочками, быстрым шагом устремился прочь из города, как будто кто-то преследовал его. Он шел, опустив глаза на землю, чтобы никого и ничего не видеть, полный презрения ко всем, подозревая каждого в том, что именно тот украл его, заработанные таким тяжелым трудом, деньги.

Оказавшись за чертой города, он почувствовал некоторое облегчение от непосредственного контакта с землей. Наконец-то он был один. Справа от него мягкая волнистая поверхность степи простиралась до самого Азовского моря, и в

свете прекрасного солнечного дня золото жнивья растворялось в полосатых узорах свежевспаханной земли. Вплоть до самой линии горизонта отдельно стоящие рощицы деревьев, казалось, дрожали в горячем мареве дня, а на противоположной стороне покрытые виноградниками грациозные холмы предвещали начало крымской Яйлы. В этой степной тишине мысли Джеваира стали постепенно приходить в порядок. Избегая людей, подчиняясь слепому любовному призыву, он, поначалу, сразу направился в сторону своей деревни, не думая о том, что его там ожидает. Но теперь, когда вокруг него слышался лишь только размеренный шорох его шагов, он, наконец, спросил себя, не окажется ли Сейт-Зеймедин еще более непреклонным, чем прежде? Нет! Джеваир не хотел в это верить. Он обо всем расскажет старику, бросится к его ногам, попросит Заиме поддержать возлюбленного. Надежда вернулась к Джеваиру. Все вдруг заулыбалось вокруг него: начиная с сойки, которая, перелетая с одного телеграфного столба на другой, как бы указывала ему путь к счастью, и кончая легкими серебристыми облаками, быстро тающими в голубизне неба. Внезапно у Джеваира закралось сомнение. Он очень хорошо был знаком с непоколебимым упрямством и обидчиво-детским самолюбием муллы. Разве старик стерпит, если все вокруг начнут говорить, что Сейт-Зеймедин согласился выдать свою дочь за человека, сломленного болезнью, за мужчину, не сумевшего защитить свои кровно заработанные деньги? Сомнение и отчаяние вновь стиснули сердце Джеваира. Теперь в этой праздничной атмосфере природы, в безоблачной небесной синеве он видел одну лишь злую иронию. Иногда он в нерешительности останавливался, машинально наблюдая за полетом скворцов в небе. Ему хотелось повернуть назад, но каждый раз при этом перед ним возникал образ Заиме, и он продолжал идти вперед, стараясь ни о чем не думать, лишь бы поскорее увидеть любимую.

Только к вечеру Джеваир достиг коктебельского пляжа с его агатовой галькой, сверкающей, как драгоценные камни. Здесь, после двенадцатикилометрового перехода, он прилет

и мгновенно уснул. На следующий день рано утром Джеваир продолжил свой путь, надеясь уже к вечеру добраться до Капсихора. Вскоре он оказался в гористой местности, где с легкостью узнавал каждый камешек. Запахи сосны, можжевельника и дикой гвоздики будили в нем самые дорогие его сердцу воспоминания. Он испытывал пьянящее чувство возвращения домой. Джеваир запел, как в прежние времена; он почувствовал силу в коленях, стал нарочно выбирать самые трудные участки дороги, перепрыгивал с одной скалы на другую, одним махом перелетал через высохшие русла рек. Он вновь превращался в ребенка, припадая на колени, чтобы испить хрустальной воды из горного источника. Однако силы начали оставлять Джеваира. Он был вынужден замедлить свой темп. Нет, его ноги были уже не те, как прежде!

К пяти часам вечера он достиг Кутлака, деревни, расположенной всего в восьми километрах от Капсихора. Обессилев после долгого пути, Джеваир зашел в татарскую кофейню, чтобы немного передохнуть. Начинался последний этап его возвращения домой.

Едва он успел расположиться за столом, как в помещение зашел один из его друзей детства. Скользнув взглядом по Джевайру и не узнав его, тот уселся перед огромным арбузом. Неприятно удивившись такому повороту событий, Джеваир окликнул своего товарища: «Абдул-Бекир!» Узнав этот голос, Абдул-Бекир обернулся: «Джеваир!» Парень подошел к нашему герою и, удивленно глядя на него, протянул ему руку:

– Ты что, не узнал меня? – спросил Джеваир

– По правде говоря, я бы тебя никогда не узнал, тем более, что прошел слух, будто бы ты умер по дороге домой.

– Нет, я не умер, но чувствую себя действительно ужасно!

Испытывая большую потребность выговориться, Джеваир поведал другу свою горестную историю. Когда он закончил, Абдул-Бекир продолжал удивленно смотреть на него. Джеваир гневно стукнул кулаком по столу: «Да что же такое со мной произошло, что ты все время смотришь на меня таким взглядом?!» Вскочив, он подошел к небольшому зерка-

лу, украшенному арабесками,.. и не узнал самого себя. Его впалые щеки и вдавленные виски придавали ему очень болезненный вид, а запущенная борода с трудом скрывала его гипертрофированную шею. Он не смог вымолвить ни слова. На мгновение Джеваир задержался у зеркала, пожал плечами, затем внезапно попрощался со своим другом и вышел из кофейни.

VII

На расстоянии одного километра от Кутлака Джеваир увидел последнюю горную цепь, скрывающую от него Капсихор. Дрожа всеми частями своего тела, он взобрался на первый горный склон. Желание побыстрее оказаться дома и понимание участи, ожидавшей его там, наполнили душу юноши мучительной тревогой. Сжатое сердце было готово выпрыгнуть из его груди. Победенный, униженный, жаждущий мести и горящий желанием вновь увидеть свою Заиме, он, как в кошмарном сне, механически преодолевал крутые подъемы и спуски. Когда он достиг последней вершины, то вдалеке различил тополя, растущие в его долине, а на южном склоне он заметил два пастушечьих шалаша, где он частенько отдыхал, сидя в засаде во время охоты на орлов. Джеваир остановился, чтобы перевести дух, и при виде его дорогой долины, образ которой сопровождал его повсюду, он почувствовал себя абсолютно несчастным, осознавая, как ему было бы хорошо, если бы он вернулся домой с полной уверенностью на право обладания своей любимой Заиме. Но о какой надежде могла идти речь, когда все его считали мертвым, а он, еще беднее прежнего, никем не признанный и униженный, появился бы перед лицом богатого, молодого и красивого соперника?

Солнце заходило за Яйлу и метало свои последние стрелы-лучи в глубокие ущелья и низины. Казалось, будто этот огонь исходил из каких-то гигантских бойниц. На востоке море и горизонт были окрашены в ярко-розовый цвет, который ближе к небосводу приобретал бирюзовый, а затем

и молочно-опаловый оттенок. Вся эта игра света непонятным образом отражалась на горной тени, превращая скалы в подобие сатина, а растительность в бархат. Джеваир долго любовался этим проникновенным пейзажем, потом глубоко вздохнул и направился в сторону своей долины по узкой тропинке, которая вилась меж холмов, терялась в глубине оврагов, а затем вновь появлялась, следуя вдоль берега моря.

Погруженный в свою печаль, юноша шел быстрым шагом. Мысль о вопиющей несправедливости неотступно преследовала его: он имел право на Заиме перед богом, он ее честно завоевал, и что же теперь с ним сделали люди? Заиме будет принадлежать только ему и никому другому; ради этого он не отступит ни перед чем...

Наш герой продолжал идти вперед, иногда у него подкашивались ноги, но какая-то грубая, неведомая сила как бы подталкивала его к неизбежности...

Недалеко от Капсихора он заметил мужчину, направлявшегося в Кутлак. Джеваир тотчас узнал его. Это был старый анатолийский турок Смаил, неутомимый спекулянт, согнувшийся под тяжестью огромного тюка, наполненного разным хламом и константинопольским ситцем с золотым узором. Вот уже на протяжении тридцати лет этот мошенник промышлял своей торговлей в татарских деревнях Крыма. Как только Джеваир узнал старика, он сразу же решил переговорить с ним и расспросить обо всем, что происходит в Капсихоре. Юноша убыстрил свой шаг... Некоторое время тропинка шла над морем, и Джеваир впервые подумал о том, что добровольная смерть в мгновение ока могла бы избавить его от всех страданий; для этого достаточно было только слегка наклониться и упасть в пропасть. Но такая мысль лишь на секунду пришла ему в голову, не помешав при этом заметить, как торговец сошел с тропинки и углубился в лес... И тогда он вспомнил, что в этом месте на дне очень узкого оврага находится известный всем путешественникам Черный источник (Карасу). Джеваир сошел с тропки и исчез в зарослях можжевельника.

VIII

Этот овраг был очень диким местом, где посреди огромных тяжелых каменных валунов, похожих на древние саркофаги в разрушенном склепе, царила таинственная тишина. То там, то здесь, пригнутая к земле одним из таких каменных блоков, старая сосна всеми своими силами боролась со смертельным гнетом. Она обволакивала горную породу своими мощными корнями, постепенно проникая в самое сердце врага, а затем, одержав победу, погребала его под пушистой зеленью своих молодых ветвей. В нежных отблесках заката иногда можно было заметить горлицу, испугавшуюся наступления темноты, или сову, ослепленную слишком ярким для нее вечерним светом.

Когда Джеваир подошел к источнику, неподалеку от него, у подножья карликового дуба он заметил раскуривавшего сигарету торговца. Юноша по-восточному поприветствовал турка. Старик небрежно ответил, сосредоточив все свое внимание на сигарете. С горечью наш герой заметил про себя: «И этот тоже не узнает меня!..» Чтобы подавить душющие его рыдания, он испил воды и присел на камень. Немного успокоившись, он направился к торговцу. «Что происходит, Смаил! Ты совсем не узнаешь Джеваира?» «Джеваир? – без тени удивления ответил старый турок, бросив на собеседника подозрительный взгляд, – да ведь он же умер...» С плохо скрываемым раздражением Джеваир произнес: «Чуть было не умер, но так как именно он стоит сейчас перед тобой, значит он явно живой!» И, присев рядом со стариком, юноша вкратце поведал тому свою грустную историю. В конце своего рассказа он спросил у Смаила: «Как ты думаешь, после всего, что произошло, Сейт-Зеймедин все же согласится отдать мне в жены Заиме?»

С холодной улыбкой торговец заявил Джеваиру: «Чтобы Сейт-Зеймедин отдал тебе свою дочь?.. Без денег? Никогда!» Произнеся эти жестокие слова, Смаил левой рукой рубанул по воздуху, как бы подведя окончательную черту под этим вопросом. Джеваир метнул в сторону торговца недобрый вз-

гляд и надолго замолк. Дело в том, что несчастье развило в нем способность распознавать в характере своего ближнего такие скрытые черты, о которых он ранее даже и не догадывался. В то время, как юноша рассказывал Смаилу о горестных событиях своего пребывания на Кавказе и возвращении в Крым, его поразило ледяное равнодушие старого мошенника, который, казалось, кичился тем, что ему, в отличие от Джеваира, все же удалось сберечь плоды своей грабительской торговли. «И все-таки, – раздраженным тоном продолжил Джеваир, – у меня были эти деньги, я их заработал, один Аллах знает, какой ценой!.. Их у меня украли, но ведь я честно получил эти деньги!»

С саркастической улыбкой на лице, Смаил заметил: «Не достаточно только лишь заработать деньги, это может сделать каждый, надо еще суметь сохранить их». И с довольным видом он похлопал по своему поясу-кошельку. Джеваир задумался. На его лбу появилась гневная морщинка, а во взгляде – злоба. Он ненавидел этого человека, мирно покуривающего свой табак и поглаживающего растопыренными пальцами драгоценный пояс. Каким образом он заработал такие деньги?.. Где жертвы этого подлеца, безнаказанно выдающего себя за самого честного человека на свете? Всем было известно, что богатство Смаила – это плод его махинаций и обмана. Именно в это мгновение Джеваир окончательно поверил в могущественную власть денег. Ведь в этом простом кожаном поясе, наполненном монетами и грязными банкнотами, находится то, что устранит все препятствия на его пути к счастью. Любовь, честность, героизм, работа, – ничто на свете в этот момент не могло сравниться с ценностью этих нескольких сотен рублей, которых сейчас любовно прижимала к своему телу когтистая лапа невозмутимого торговца. И вновь Джеваир почувствовал себя беспомощной жертвой чудовищной несправедливости.

В его болезненном мозгу любое интеллектуальное усилие приводило к тому, что все его мысли-галлюцинации сталкивались друг с другом, как испуганные птицы, бьющиеся в смертельном порыве о прутья клетки. Своей палкой он

нервно разгребал сухие дубовые листья, устилавшие вокруг него землю. В овраге слышалось лишь только журчание источника... Джеваир бросил угрожающий бешеный взгляд на старика. Его завораживал этот пояс из красной кожи. Юноше показалось, что кошелек начал увеличиваться в размерах... Вот он уже стал больше самого торговца и продолжал расти, окрашивая землю в пурпурный цвет...Эта кровавая вуаль пробуждала в Джеваире доселе неведомые ему инстинкты бешеной ненависти и свирепой мести...

Очнувшись, наконец, от сладкой дремы, старик произнес: «Эх, как хорошо я поспал!» Затем лениво потянулся, встал, взвалил на спину свой груз и собрался уже уходить, как вдруг дрожащим голосом Джеваир спросил у него: «Ну так что, Смаил, ты все так же считаешь, что я должен отказаться от Заиме?» Смаил посмотрел в сторону парня и со снисходительно-ироничной улыбкой ответил: «Если ты в таком жалком виде, без копейки денег в кармане хочешь заявиться в Капсихор просить руки Заиме, то я бы лучше посоветовал тебе здесь и сейчас остановиться и повернуть обратно на Кавказ».

Вскочив на ноги, бешено вращая глазами, Джеваир прорычал хриплым голосом: «Это я должен вернуться на Кавказ?.. Это я в жалком виде?.. Так получай же, ничтожный мошенник! Верни мне то, что ты украл у меня!» И, набросившись на торговца, он вонзил ему в шею по самую рукоять свой драгоценный кинжал...

Некоторое время Джеваир тупо наблюдал за страшной агонией своей хрипящей жертвы, валявшейся у него в ногах. Несколько раз старик пытался подняться, но у него ничего не получалось. Наконец, все его тело сотряслось в последней конвульсии, и он испустил дух...

Джеваир, казалось, не верил в то, что он убил этого человека. Выйдя из оцепенения, он вдруг о чем-то вспомнил, наклонился над трупом и дрожащей рукой снял с него красный пояс.

Теперь он торопился покинуть это место и безжизненное тело, вид которого пробуждал в нем угрызения совести, чув-

ство, которое он не знал ранее. Но вскоре он передумал, осознавая, что оставлять так открыто свою жертву рядом с довольно часто посещаемым источником просто невозможно. Он не знал, что предпринять, и растущая в нем растерянность сводила его с ума. Джеваир смотрел по сторонам, обращая свой взор на скалы, деревья, даже на небо, тщетно ища там какой-либо поддержки у могущественных сил природы...

Внезапно ему в голову пришла идея. Он запрыгнул на склон оврага и двумя ногами стал сталкивать на жертву многочисленные камни, занесенные сюда дождевыми потоками. Делал он это в каком-то сумасшедшем экстазе. Его ноги сокращались, как два шатуна, а затем резко распрямлялись, обрушивая вниз каменные лавины, которые в абсолютной тишине производили шум, похожий на треск падающих градин. Иногда Джеваир соскальзывал вместе с камнями на дно оврага, но быстро вскакивал на ноги и возвращался на прежнее место...

Труп уже давно скрылся под каменной лавиной, а юноша все продолжал и продолжал трудиться в поте лица... Вскоре силы оставили его. И тогда, весь изможденный, он осел на землю и вместе с последним каменным обвалом соскользнул в сторону погребального кургана... Сидя на корточках, восстанавливая свое дыхание, Джеваир начал искать способ скрыть следы самого кургана... Через некоторое время, задрав голову вверх, он заметил напротив себя нависшую над оврагом, наполовину отколовшуюся от скалы в результате зимних дождей, тяжелую каменную глыбу. Внезапно он вспомнил свои детские забавы, живо добрался до этой глыбы и острием камня очистил ее основание; затем, используя свой посох, как рычаг, он раскачал монолит и, наконец, уперевшись спиной о скалу, невероятным усилием своих ног сдвинул этот тяжеленный камень с места. Глыба закачалась и под воздействием собственного веса устремилась вниз. Она не придавила труп, а просто полностью перекрыла его. Тяжело дыша, юноша напряженно следил за падением монолита, как игрок, который поставив на кон все свое состоя-

ние, следит за последними передвижениями шарика по крутящейся рулетке. Когда все закончилось, Джеваир впервые за долгое время испытал чувство облегчения. До этого мгновения он жил в каком-то кошмаре, утратив всякое представление о прошлом и настоящем. Его обуяла жажда справедливости, разбудившая в нем самые низменные инстинкты первобытного человека. И вот теперь он начал медленно приходить в себя. Деревья, окружавшие его, потеряли свою кровавую окраску, журчание источника наполнило его душу умиротворением, и образ улыбающейся Заиме вновь предстал перед его глазами... Заиме! Наконец-то, она была совсем рядом, вон там, между двумя холмами... Через несколько мгновений Джеваир увидит свою долину с его деревней, домом Заиме, всем тем, что после такого долгого отсутствия, казалось, навсегда осталось для него лишь областью мечтаний... Мало-помалу всеми фибрами своей души он начал ощущать очарование родной земли. Полной грудью он вдыхал тонкий аромат виноградников и фруктовых садов, запах орошаемой земли и горелой виноградной лозы; над вершинами гор в последних отблесках дня неподвижно парили гигантские крымские орлы; Джеваир слышал мычание коров, лай собак, чьи-то крики, одним словом, всю какофонию деревенских сумерек. Как бы он хотел, чтобы у него выросли крылья! И все же необъяснимая тревога удерживала его в этом мрачном месте...

Шум приближающихся шагов и чьи-то голоса вывели его из мечтательного состояния. Юноша задрожал от страха. Пригнувшись к земле и спрятавшись за куст можжевельника, он увидел двух татар, которые, утолив жажду из источника, быстро продолжили свой путь к Судаку... Долго еще после этого он не мог унять дрожь в своем теле и испуганно всматривался в мрачные глубины оврага, каждый раз принимая бешеный стук своего сердца за шум чьих-то шагов.

Немного успокоившись, Джеваир распрямился и направился в деревню по знакомой ему тропинке. Он шел быстрым шагом, напевая мотив одной старинной татарской песенки...

Сумерки постепенно угасали. На бледном небе засверкала бледная звезда, и ночь, поднявшись из морских глубин, покрыла мраком подножье Яйлы. Внезапно Джеваир остановился: у его ног простиралась Капсихорская долина; на холме он отчетливо различал дом Заиме... Чтобы попасть туда, ему оставалось всего лишь добраться до высохшего русла реки, ведущего в деревню. Наконец-то он достиг желанной цели! Вдруг юноша почувствовал какое-то незримое препятствие на своем пути, и в его душе это странное чувство пробудило суеверный страх. Без сомнения, его преследовал какой-то злой джинн, дух мертвеца, вероятнее всего! Он стоял в нерешительности, продолжая созерцать свою несравненную долину... Опасаясь, что кто-то застанет его в таком растерянном состоянии, Джеваир сошел с тропинки и повернул к узкому песчаному пляжу, расположенному у подножья крутой скалы. По дороге он остановился у склонившейся над пропастью старой сосны, свидетельницы его детских игр, и решил заночевать в этом месте. Он расстелил свою бурку и лег на нее, повернув голову в сторону деревни. Вскоре в домах зажглись огоньки, Джеваир услышал последний зов муэдзина и погрузился в глубокий сон...

IX

Была еще ночь, когда Джеваир внезапно проснулся. Испугавшись неизвестно чего, он вскочил на ноги. Некоторое время юноша не понимал, где он находится, а когда все вспомнил, ночь показалась ему еще враждебнее, чем день: именно в этот момент восходящая Луна осветила горизонт кровавым крепом, ее выщербленный диск поднимался вверх, как раскаленная добела шайба, наполовину поглощенная огнем фантастической кузницы. Море отливало стальным блеском, а долина едва просматривалась во мраке ночи. Джеваир спрашивал себя, действительно ли он проснулся, или злой джинн, воспользовавшись его сном, перенес несчастного к воротам ада... Два сухих выстрела убедили его в том, что он не спит. Джеваир вспомнил, что таким образом по ночам на виноградниках сторожа отпугивают мародеров...

Оправившись от первоначального испуга, он постарался вновь заснуть, побыстрее спрятаться в забыты, но тревожная слабость не позволяла ему этого добиться. Стоило юноше закрыть глаза, как земля уходила из-под него, и он проваливался в бездну. Долго Джеваир боролся с этой болезненной бессонницей, когда вдруг вспомнил о том, что прошли почти целые сутки, как он ничего не ел. Обрадовавшись тому, что он, наконец-то, нашел причину своего странного недомогания, юноша поднялся и дрожащей рукою развязал шарф, в котором хранилась провизия. Но когда, желая разрезать хлеб, он машинально потянулся к кинжалу, то с ужасом заметил, что ножны оказались пусты...

Его кинжал!.. Где он? Кто украл этот, покрытый поцелуями, дорогой его сердцу предмет, на котором были выгравированы имена двух влюбленных? С гневом он отбросил хлеб в сторону и обхватил голову двумя руками... В ужасе Джеваир увидел перед своими глазами драгоценное лезвие, торчащее из горла мошенника... Даже находясь под толщей тяжелой глыбы и груды камней, это лезвие продолжало гипнотизировать Джеваира. Под воздействием какой-то непреодолимой силы юноша вскочил на ноги и побежал туда, где был погребен труп торговца. Джеваир намеревался вернуть себе так неосторожно забытый кинжал, оскверненный кровью жертвы преступления. Ведь это оружие могло бы однажды выдать имя убийцы!..

Внезапно ему показалось, что земля уходит у него из-под ног. Он наткнулся на камень, который покатился куда-то вниз, туда, где плескался молчаливый океан теней... Это был тот самый овраг, где произошло убийство. После некоторого замешательства, Джеваир направился в эту сторону. Он продвигался медленно с большой предосторожностью, как будто опасался разбудить того, кого он ясно видел в своем воображении, лежащим где-то здесь со страшным свидетельством на шее, изобличающем его убийцу. Вскоре Джеваир почувствовал, что он заблудился. Вокруг него была крошечная тьма. Она обволакивала его потным саваном, стесняла его движения, больно сдавливала грудь и виски.

Взгляд его помутнел. Чтобы как-то отделаться от этой навязчивой слепоты, Джеваир закрыл глаза и стал продвигаться на ощупь... Вдруг он остановился, замерев от ужаса... Со всем рядом с ним кто-то смеялся. Это был нежный, жемчужный смех молодой девушки, прикрывшей рот от стеснения. Этот смех так напоминал ему Заиме... Парализованный страхом, находясь во власти страшной ночи, он продолжал слушать этот детский, залиvistый смех, а воображение рисовало в его воспаленном мозгу фантастические образы темной геенны, лишённой огня... Джеваир прислушивался... и ему казалось, что он слышит радостный смех... самой Заиме. Но... что могла делать Заиме в это время в таком мрачном месте? Как она может смеяться, когда он так страдает?.. В порыве гнева он потянулся к кинжалу, но наткнулся на те же пустые ножны...

Терзаемый своим бессилием, Джеваир молил о малейшем проблеске света в этом темном царстве... У него было, чем осветить себя, но пока что боязнь выдать свое присутствие останавливала юношу. И все же, окончательно отчаявшись в своих поисках, дрожащей рукой он стал зажигать спички одну за одной, медленно, на цыпочках продвигаясь вперед, в туманном окружении полной ужасов ночи... Серебряный смех продолжал издеваться над ним, и тогда в порыве безумного гнева он бросился к старой сосне, обломал несколько смолистых веток, соорудил из них факел, поджег его и наконец-то осветил мрачное дно оврага. С лицом, искаженным невыносимой душевной болью, с красными, измощенными глазами, слезящимися от факельного дыма, похожий на привидение, Джеваир решительным шагом направился в сторону, откуда доносился этот счастливый смех, каждая нотка которого заставляла кровоточить его сердце... Иногда он останавливался, чтобы прислушаться к этому мягкому, издевательскому смеху, нежному, как щебетание ласточки, ласковому, как поцелуй девушки, и вместе с тем болезненному, как укус рептилии... Но вот Джеваир сделал шаг назад и, высоко подняв факел над головой, ярко осветил место вокруг себя. Его глаза округлились от ужаса... Он узнал

осколок скалы, сброшенный на тело его жертвы. Рядом слышалось хрустальное журчание источника, которое его воспаленный рассудок принял за издевательский смех Заиме...

Некоторое время он стоял, как парализованный, пытаясь вспомнить, что привело его сюда, в это адское место. Кинжал!

Воспоминание о нем, как удар хлыста, заставило юношу двинуться вперед. Словно хищник, почуявший добычу и пытающийся подобраться к ней поближе, Джеваир несколько раз обошел глыбу со всех сторон. Воткнув факел в землю, он попытался сдвинуть с места эту тяжелую массу. Навалившись всем телом на камень и обхватив его своими стальными руками, он вкладывал всю свою силу в эти безуспешные героические попытки. И каждый раз, изможденный, он опускался на камень, умоляя того забрать у мертвеца и вернуть несчастному юноше драгоценное оружие. Сквозь камень, ставший для него прозрачным, Джеваир ясно видел перед своими глазами труп торговца, с широко раскрытыми глазами и с посмертной улыбкой на устах; он видел свой кинжал, торчащий из шеи убитого. Тщетно юноша протягивал руки к этому видению, надеясь вновь обрести свой кинжал...

Наконец, устав от бессмысленной борьбы с этой неумолимой силою, убедив себя в том, что настолько хорошо спрятанный труп никогда не выдаст своего убийцу, Джеваир потянулся к факелу, чтобы уйти, но неожиданно чуть не выронил его из рук: позади себя он увидел гигантскую тень незнакомого существа. Юноша замер и крикнул дрожащим голосом: «Кто там?» Только эхо ответило ему. Тогда, осмелев от страха, он бросился в сторону привидения и... успокоился, обнаружив, что это была его собственная тень. В этот момент он почувствовал, что остатки факела обжигают ему пальцы. Джеваир бросил факел на землю, тщательно затоптал его, а затем быстро вернулся на то место у старой сосны, где совсем недавно оставил свою бурку и остатки пищи. Усталый, он вновь рухнул на траву, как смертельно раненый человек и четверть часа спустя уже спал глубоким сном.

Луна, высоко стоящая в небе, едва освещала своим тусклым светом окрестности Капсихора. Теперь ее выщербленный диск отдавал почти все свое золотое сияние совсем другим мирам. Даже звезды агонизировали в этих слабых отблесках погребальной свечи, и сквозь мрачную, ночную пелену проглядывались очертания гор, скорбно застывших у моря, отливающего холодной неподвижностью могильного мрамора. В устрашающей тишине долины стонала ночная птица...

Свернувшись клубком, подтянув под себя колени, Джеваир пытался спрятаться в своем сне, и старая сосна укрывала его своими раскидистыми ветвями, как темным саваном.

Х

Солнце уже взошло, когда Джеваир проснулся. Пламенеющий шар стоял над мысом Меганом, как огромный железный брусок, лежащий на гигантской горной наковальне. А по окрестностям, насколько хватало глаз, разливался нежный розовый цвет, ласкающий взор так же, как прикосновение бархата к руке. На фоне безоблачного неба, прозрачное, тихое море, казалось, отражало перламутр всех своих раковин. Вековые сосны и приземистый можжевельник колыхались от легкого, ароматного утреннего ветерка в этом потоке сияющего света, пронизывающего ветви деревьев своими золотистыми стрелами. Казалось, все горные вершины превратились в кораллы, а шероховатости рельефа окрасились в пурпурные лоскуты. На западе дальние излучины Яйлы закруглялись в воздушный сапфировый венец.

Пораженный невиданной красотой природы, Джеваир несколько раз провел рукою перед своими глазами. Вскочив на ноги и приоткрыв рот от удивления, он долгое время неподвижно любовался этим прекрасным, ласковым, утренним пейзажем. Его любимый Крым, который, ему казалось, он утратил навсегда! И вот он, во всей своей красе перед ним! Джеваир все смотрел... смотрел... и никак не мог насмотреться... Да, это не Кавказ с его горделивыми горами, как будто специально созданными для того, чтобы отделить от земли

небо и воду: поэтому небо мстит этим горам, покрывая их вершины вечными снегами, а ,враждебно настроенная по отношению к человеку вода, прячась от света, с ревом срывается в бездну самых мрачных расщелин.

Здесь же, в Крыму, низкие, мягкие горы вычерчивают на горизонте контуры женских округлостей, фигуры отдыхающих атлетов, тела фантастических животных. Можно сказать, что здесь по всему побережью разбросаны барельефы, отколовшиеся от фриза какого-то гигантского Парфенона. В Крыму бархатистая вода, протекая среди скал и камыша в виде переливающихся пенистых ручьев, нежно звенит своими хрустальными колокольчиками. Здесь галька, покрытая столетним ковром из желтых листьев, молодая лоза с гроздьями винограда, нависшая над старой лозой, которой в каждом доме разжигают глиняные печи, – все имеет свой запах, распространяющийся повсюду с первыми лучами восходящего солнца.

Наконец, Джеваир оторвал свой взор от всего этого природного великолепия и посмотрел в сторону своей деревни. В ту же секунду его мужественное лицо озарила счастливая детская улыбка. Вершина горы, у подножья которой раскинулась долина, сверкала золотом. Окна домов, взбирающихся на холм, будто отражали огни пожара, а чуть ниже минарет мечети пылал на солнце, как огромная свеча. Еще ниже, погруженные в мягкую, воздушную тень, дома уже готовились принять свою солнечную ванну. Со всех сторон победно кукарекали петухи, возомнив, что именно они заставляют солнце всходить каждое утро. Слева, медленно поднимаясь в гору, деревенское стадо направлялось в сторону зеленого ущелья. В этот час по многочисленным тропинкам татары спускались к своим садам, так как наступало время подвязки виноградной лозы. Но сейчас Джеваир думал лишь только об одном: о доме, где жили старый мулла Сейт-Зеймедин с дочерью Заиме, которая, без сомнения, все еще ждала своего возлюбленного. Его глаза очень быстро обнаружили слева у большой тропинки это дорогое его сердцу гнездышко, которое он так часто видел в своих мечтах, будучи на Кавказе,

затем метаясь в болезненном бреде на больничной койке, и, наконец, вчера, когда он потерял всякую надежду на благополучное возвращение домой. Джеваир видел этот дом таким же, как оставил его. Он узнал старую сливу во дворе, к которой были привязаны качели, убаюкивающие его возлюбленную долгими летними вечерами; без труда он различил беседку, скрывающую нижнюю террасу, где, без сомнения, в этот час уже восседал старый мулла с трубкой во рту и с бирюзовыми четками в руках. Внезапно он заметил тонкую струйку фиолетового дыма, поднимающегося над крышей дома Сейт-Зеймедина, и задрожал всем телом; ему показалось, что этот счастливый сигнал своему возлюбленному посылала сама Заиме...

И тогда его душа наконец-то вспомнила о своем теле. Юноша с удивлением ощупал себя, как будто заново знакомился сам с собой. В этот момент в его одежде что-то зазвенело... Он лихорадочно засунул руки в карманы и вынул оттуда золотые монеты, которые засверкали на солнце, как все золотые монеты. Он их ощупал, с улыбкой вспомнив о своих глупых ночных страхах, которые теперь остались далеко-далеко в каких-то кошмарных снах. Решительным жестом Джеваир переложил все деньги в свой пояс, повязал его вокруг себя, лихо закрутил усы и надвинул шапку набекрень, как в дни своей беззаботной юности. Когда он поднял с земли бурку, то увидел пустые ножны от кинжала с ремешком... Сохраняя ледяное спокойствие, он привязал ножны к тяжелому камню и, размахнувшись, бросил все это далеко в море. Затем, заметив перед собой цветущий каперс, он сорвал гроздь с белыми цветками и заложил ее за ухо. Напевая веселую песенку, Джеваир начал свой спуск в долину... Вскоре он достиг пляжа и продолжил свой путь самой короткой дорогой вдоль русла высохшей реки, по обоим берегам которой тянулись цветущие сады попеременно с тополями. По этой земле, усеянной огромными валунами, скатившимися с гор, ручейками и лужами воды, юноша больше бежал, чем шел. Иногда казалось, что он просто летит по воздуху. Для него каждый обломок скалы становился трамплином, с которого

он взлетал ввысь, как молодой тигр. И все это время он напевал старинную песню, очень известную в горных районах Яйлы:

«Имя мое – Эминэ
Я – пленница жадного человека
У меня есть золотые серьги
И серебряный поясок
О! Али-Осман! Али-Осман!
Спаси меня!..»

В одном из садов Джеваир услышал голоса татар, подвизывающих виноград. Он окликнул их... Удивившись, услышав знакомый голос, они подняли головы в его сторону, и один из них вскрикнул: «Джеваир?!» Другие сразу же подхватили это имя: «Джеваир! Джеваир!» Все бросились к нему, протягивая руки сквозь изгородь, они забросали его вопросами, не давая ему возможности ответить на них. Эти люди просто не знали, как им выразить свою радость по поводу того, что они вновь видят перед собой своего храброго товарища, несравненного Джеваира, считавшегося мертвым.

А он, пожимая все эти руки, чувствуя на сердце огромную привязанность к односельчанам, ответив на некоторые из их вопросов, поспешил продолжить свой путь, напевая все ту же песенку:

«В прекрасной Кафе
Я была дочерью аги
Мой отец, как птицу
Держал меня
В золоченой клетке
О! Али-Осман! Али-Осман!
Спаси меня!..»

Вскоре по всей долине эхом разносилось имя Джеваира. Казалось, даже горы ревнуют к такой триумфальной встрече. Повсюду звучали радостные крики: «Джеваир! Джеваир!..»

Тем временем, юноша продолжал спускаться к омытой солнечным светом деревне... Да, эти минуты безграничного счастья с лихвой компенсировали ему все его прошлые беды. Теперь он отчетливо осознавал, что главным для него на свете всегда были только Крым и его родная деревня...

В том месте, где русло реки уходило в сторону гор, Джеваир взобрался на скалистый выступ и продолжил свой путь по дороге к дому Сейт-Зеймедина. Старик-мулла все так же сидел на своей циновке в тени беседки из виноградной лозы. Как всегда, он перебирал четки из янтаря и бирюзы, время от времени поднося к губам свою длинную курительную трубку, из которой выходило белое облачко дыма, похожего на клочок его снежной бороды и, медленно поднимаясь вверх, растворялось в лучах восходящего солнца.

В два прыжка Джеваир оказался перед стариком, молча поприветствовал его, поклонившись три раза, дотронувшись до земли тыльной стороной своей правой руки, последовательно поднеся ее затем к губам и ко лбу. Затем, скрестив руки на груди, юноша покорно стал ждать ответа... Сейт-Зеймедин посмотрел ему в глаза. Внешне старик казался спокойным, но та скорость, с которой он перебирал четки, выдавала его волнение:

– Это ты, Джеваир? – наконец, произнес мулла, – я все время повторял Заиме, что ты жив!

– Отец! Аллах хранил меня. Слава всевышнему!

Старик жестом пригласил юношу присесть рядом с ним. Джеваир поклонился в ответ и скромно присел в стороне на краешек скамьи. Сейт-Зеймедин продолжил:

– Ну, а теперь, поведай мне о том, что было с тобой после отъезда.

И Джеваир начал свой рассказ...

Прошло некоторое время, когда юноша заметил в маленьком решетчатом окошке глаза, смотрящие прямо на него, прекрасные глаза, в которых читались радость и удивление; затем он увидел улыбку на губах, но вскоре видение исчезло, издав вздох, похожий на приглушенный крик. На мгновение Джеваир потерял нить своего рассказа. Его голос

задрожал, он начал нести всякую ерунду. Сейт-Зеймедин догадался о причине замешательства юноши. Старик улыбнулся и снисходительно произнес: «Ну-ну, охотник, голубка уже упорхнула, отзывай своих борзых». И Джеваир продолжил свой рассказ...

XI

Месяц спустя Заиме стала женой Джеваира. Помолвку и свадьбу отпраздновали с большим размахом. Вся деревня принимала участие в этом событии, так как ее жители с глубоким уважением относились к старому мулле... В течение недели горы Капсихора сотрясались от праздничных выстрелов. Днем и ночью эхо разносило по всей округе звуки музыки, исполняемой двумя известными татарскими оркестрами, специально приглашенными из Карасубазара...

До сих пор люди рассказывают о знаменитых схватках, во время которых Сейт-Зеймедин раздал в качестве призов: серебряные часы, охотничье ружье и огромное количество шейных платков, а также шелковых поясов. На протяжении этих праздничных дней во время шумных кортежей, когда толпа сопровождала жениха к дому невесты, все восхищались красавцем Джеваиром, одетым в богато отделанный бархатный костюм гранатового цвета, подпоясанный тяжелым шарфом с шелковыми золотистыми нитями. Вечерами, прильнув к зарешеченным окошкам, многие женщины завидовали Заиме, когда в свете факелов и разноцветных фонариков с танцами и песнями односельчане эскортировали Джеваира...

Теперь наш герой был на седьмом небе от счастья. Наконец, он обладал той, которую боготворил, и знал, что только сам Аллах мог ее у него отнять. На склоне холма недалеко от мечети, откуда открывался прекрасный вид на долину, он купил домик у одной вдовушки, переезжающей к сыну в Константинополь. Также Джеваир приобрел корову и трех баранов, а тесть подарил ему три десятины виноградника. Одним словом, счастье обладания Заиме усиливалось уверенностью в его способности сделать любимую счастливой.

Их семейная жизнь тихо потекла среди прекрасных гор, как настоящая идиллия, полная сказочного очарования.

Наступил сентябрь. Каждое утро молодая пара, рука в руке, спускалась в долину: он нес с собой их простую еду, а она – веретено и запас шерсти. Они направлялись к своему маленькому винограднику, предмету их почти детской радости и гордости. В углу участка, под огромным раскидистым ореховым деревом у ручейка пряталась деревенская глинобитная хижина, где Джеваир хранил свой садовый инвентарь, а также тарапан, виноградную давилку, используемую во время сбора винограда. Участок со всех сторон был огражден изгородью, вдоль которой росли фруктовые деревья. Их ветви сгибались под тяжестью крупных плодов... В этом миниатюрном Эдеме время для молодоженов летело так быстро, что к вечеру они спрашивали себя, на самом ли деле день уже прошел и не спутали ли они сумерки с зарей...

Затем пришло время сбора винограда. В своем эгоизме счастливого человека, знающего цену этому благополучию, Джеваир хотел бы единолично собрать весь урожай и произвести свое вино. Все, что принадлежало ему, было для него священной, и он не желал осквернять свой участок чужим присутствием. И все же, он был вынужден прибегнуть к помощи нескольких своих товарищей. Это были три радостных праздничных дня: с утра до вечера с песнями собирали виноград и сгружали его в тарапан, а вечером Джеваир с двумя крепкими парнями голыми ногами давили всю эту массу в то время как Заиме, сидя на своей циновке, следила за тем, как на маленьком огне разогревается ужин.

В тот год дала о себе знать довольно суровая зима. В течение всего нескольких ветреных дней все деревья потеряли с вою листву. Но Джеваир принял меры предосторожности. В углу своей маленькой прихожей, недалеко от печи он разместил несколько мешков с мукой; к потолочным балкам он подвесил большую часть самых лучших фруктов, а в сарае устроил целый склад сена и сухих дров. Поэтому без всякого сожаления он встретил зиму, которая должна была предо-

ставить ему возможность еще больше времени проводить наедине со своей любимой...

С конца октября холода резко усилились. Бешеные порывы ветра беспрестанно обрушивались на заснеженную деревню. Но в доме Джеваира мало обращали внимание на эти капризы природы. Здесь сохранился кусочек весны, которому была нипочем любая непогода. В то время, как, сидя у широкой печи, Заиме ткала ковер или пряла свою пряжу, Джеваир плел корзины, спал или курил, посматривая в окно на снежную метель и на долину с ее вечно дрожащими от холода тополями. Время от времени его навещали друзья. И тогда все рассаживались вокруг очага и, покуривая крепкие сигареты, говорили обо всем понемногу: кто-то делился своими планами о пристройке к дому еще нескольких комнат; кто-то в деталях рассказывал о своей недавней охоте на косую... Спорили о преимуществах осеннего полива, об опасности обрезки лозы на большую длину; некоторые ратовали за прививку побегов, другие выступали за отводку. Не забывали поговорить и о политике! Ругали царское правительство, которое начало формировать в Симферополе специальный кавалерийский эскадрон из молодых татар, осуждали предательскую политику татарских князей по отношению к своим единоверцам... Время от времени все умолкали, и тогда ясно слышались завывание ветра и глухой шум бушующего моря. Сумерки наступали очень быстро. Поэтому каждый спешил вернуться домой до наступления темноты.... И Джеваир наблюдал через окно за тем, как расходятся его гости, с неменьшим удовольствием, чем радовался их приходу... Единственная радость, которой недоставало Джеваиру, была дарована ему в середине декабря. Именно в эти дни Заиме почувствовала недомогание и с материнской улыбкой, краснея, шепотом сообщила испуганному мужу о том, чего он так давно ожидал.

ХП

Однажды вечером в январе внезапно стих ветер, а на следующий день в безоблачном небе появилось сияющее солнце. Началась оттепель, и вскоре с окружающих гор исчезла седина снега. Мокрые скалы сверкали, как доспехи; повсюду начался праздник воды. Она низвергалась в долину с самых дальних вершин: иногда водяной смерч обрушивался в виде каскадов, образуя по бокам головокружительного потока широкие серебристые кружева; в других местах эта огромная водяная масса срывалась вниз в виде мощной прямой хрустальной колонны, которая во время своего падения разбивалась на тысячи золотистых, пенящихся брызг, а затем, как дикий зверь, наскакивая на скалы, прыгая и извиваясь, стремительно неслась по направлению к морю.

В деревне все пооткрывали свои двери навстречу теплым лучам солнца. На крышах слышались веселые разговоры женщин, вырядившихся в цветастые одежды; счастливая ребятня плескалась в уличных ручейках, а мужчины с лопатами на плечах спешили отвести воду на свои садовые участки. Между тем, как и предполагали старейшины, эта теплая передышка длилась недолго. К вечеру третьего дня вновь подул северный ветер, затрубив в свой заунывный горн.

Солнце заволокло дымкой, пошел снег, и все двери домов сразу захлопнулись... Что до Джеваира, то он был очень доволен тем, что успел затопить весь свой виноградник, и это сулило ему в новом году хороший урожай винограда.

Прошло несколько дней, и однажды утром, когда Джеваир плел свои корзины, а его жена чесала пряжу, неожиданно к ним заглянул весельчак Гульзум. Накануне он вернулся в деревню, которую, в очередной раз, поклялся никогда больше не покидать, хотя, на самом деле, следуя своей привычке, он собирался в путь ровно через неделю. Обрадовавшись появлению своего товарища по Кавказу, Джеваир все-таки ощутил некоторую тревогу, которая исчезла при первых же шутках неутомонного весельчака. Со свойственным ему талантом комика Гульзум рассказывал о своих походе-

ниях... Заканчивая описывать свою очередную историю, он вдруг заметил:

– Да, кстати, ты слышал новость?..

– Какую новость?..

– Помнишь Смаила, турка-торговца, который ранее посетил нашу деревню?..

Джеваир перебил его:

– Ну и что?..

– Так вот, вчера у Черного источника обнаружили его труп.

Нервно помешивая угли в очаге, Джеваир спросил:

– Кто обнаружил?

– Пастух Эмир-Суин. Бедняга чуть не лишился того малого количества рассудка, коим обладал. Чтобы напоить свое стадо, он повел его в овраг, и, вообрази себе эту картину, когда перед глазами бедняги предстало разложившееся тело мошенника рядом с огромным осколком скалы, перевернутым бурным потоком.

С наигранным безразличием Джеваир заметил:

– И все уверены, что это – турок?

– По крайней мере, так предполагают. Урядник формально опознал его, он лично охранял тело вплоть до прибытия пристава из Судака.

– А потом?..

– Потом?.. Приехал пристав, также опознал турка и констатировал, что тот был убит ударом кинжала в горло, а затем под чистую ограблен... Ну и что, велико горе, одним грязным мошенником меньше!

В то время, как Джеваир, погруженный в свои мысли, сосредоточенно смотрел, как пламя пожирает дрова в очаге, Гульзум вытащил из кармана расшитый жемчугом кисет, закурил сигарету и начал рассказывать о том, как он героически завоевывал всех девушек Кавказа. Внезапно Джеваир перебил его:

– А как узнали, что этот турок был убит ударом кинжала в горло?

Немного сбитый с толку таким поворотом разговора, Гульзум ответил:

– Ты все еще думаешь об этой каналье?.. Ну, здесь все очень просто: на месте горла обнаружили кинжал...

Джеваир почувствовал, как по всему его телу пробежал ледяной холодок. Огромным усилием воли ему удалось скрыть свое волнение.

– Все ясно, так что ты там только что мне рассказывал?

И Гульзум с удовольствием продолжил историю о том, как русская княжна согласилась выйти за него замуж при условии, что он примет христианскую веру...

Спустя два часа Гульзум ушел, а Джеваир, воспользовавшись тем, что Заиме крепко спала в соседней комнате, быстро покинул дом, чтобы постараться вновь обрести покой в одиночестве, без свидетелей, наедине со своей совестью... Как только он оказался снаружи, Джеваир широким шагом направился в сторону гор. Яростные порывы ветра хлестали его по щекам, снег слепил глаза, но он ничего не ощущал. Вскоре он оказался в знакомом гроте, куда забился, как загнанный зверь. Здесь он почувствовал некоторое облегчение: он мог, наконец, дать волю своим чувствам, мог задрожать, побледнеть; мог, не боясь чем-то выдать себя, осознать весь ужас катастрофы, угрожающей его безмятежному счастью. Преступление было раскрыто, но была ли полностью выявлена его вина?.. Возможно, кинжал случайно похоронили вместе с телом?.. А, может, ржавчина уничтожила надписи на его лезвии?.. Эти болезненные смены состояния отчаяния и надежды изматывали душу несчастного и не давали его мыслям сосредоточиться на чем-то одном.

Снежная метель заметала деревню и долину. До слуха Джеваира доносились мрачное завывание ветра и шум морских волн. Между тем, внутри нашего героя нарастало раздражение на себя самого; все эти страхи унижали его, а мощное чувство самолюбия подстегнуло к пробуждению скрытые источники его энергии. Джеваир встрепенулся, вышел из грота и с высоко поднятой головой направился к дому.

И все же, несмотря на все свои усилия, он так и не смог вернуть себе прошлую безмятежность. Время от времени его охватывала болезненная тревога и сквозь завывания ветра ему слышались порой странные голоса...

Прошла неделя. Говорят, время лечит, и Джеваир стал себя чувствовать более уверенно. Однажды утром к нему вновь заглянул Гульзум с несколькими своими товарищами. Они направлялись на охоту и зашли поприветствовать Джеваира. Как всегда, завязалась оживленная беседа, и в какой-то момент Джеваир спросил: «Что нового по поводу убийства Смаила?»

Судя по тому, как нехотя ему ответили на его вопрос, он радостно отметил, что эта история уже канула в прошлое. Один из присутствующих сказал ему: «Ничего нового! Труп захоронили у источника. Вот и все!» «Одним мошенником меньше!» – добавил другой. Бросив в очаг свою потухшую сигарету, Гульзум принялся рассказывать очередной анекдот о Насреддине. Все смеялись, и даже Джеваир хохотал до упаду. Видя такую реакцию, Гульзум вошел в раж. Он едва не позабыл о своей охоте, но друзья вовремя напомнили ему о ней. Тогда все разом встали, и, с ружьями за плечами, спрятав свои головы в меховые шубы, весело направились в горы сквозь бушующую метель.

ХIII

Как только охотники ушли, вконец успокоившийся Джеваир устроился у огня и принялся выстругивать для себя палку из ветки кизила. Вернувшись из своей комнаты, Заиме прилегла на ковер, лежащий посередине, и положила голову на колени любимого... Вскоре она задремала, а Джеваир продолжал снимать стружку с дерева, частенько прерываясь для того, чтобы полюбоваться на свою спящую красавицу, тонкий профиль лица которой, покоящийся на двух сложенных вместе нежных ручках, в мерцающем свете огня, казалось, терял свою материальность. После тревожных переживаний последних дней ощущение счастья вновь вернулось к Джеваиру, он погрузился в нежные мечтания о будущем...

Внезапно резко распахнулась входная дверь. Подскочив от неожиданности, Джеваир увидел урядника и следующего за ним офицера полиции, который, сняв с головы заснеженный башлык, грубо окликнул его:

– Это тебя зовут Джеваир?

– Да, меня.

– Так это ты несколько месяцев назад у Черного источника совершил убийство Смаила, турка-торговца?

– Нет! – пробормотал Джеваир.

– И все же именно твое имя выгравировано на лезвии ножа, обнаруженном в горле трупа.

– Этот нож у меня украли.

– Не имеет значения, – пожав плечами произнес офицер, – это уже не мое дело. Теперь ты сам, если сможешь, все объяснишь следователю. Тебе также придется объяснить, каким образом, покинув больницу в Феодосии без копейки в кармане, уже на следующий день ты прибыл сюда, обладая суммой в 670 рублей. А пока...

Не договорив фразу, офицер подозвал к себе двоих солдат, стоящих на карауле у входа в дом, и, указав на Джеваира, приказал им: «Арестуйте его!»

На протяжении всего этого времени, несмотря на сильный ветер, вокруг дома Джеваира собралось почти все население деревни. Когда солдаты подошли к Джеваиру, чтобы заковать его в цепи, Заиме, не понимающая, что происходит, и стоящая все это время сбоку, как раненая львица, бросилась вперед, оттолкнув солдат. Но, обессилев от этого порыва, в ту же секунду она рухнула на пол. Солдаты хотели поднять ее, но Джеваир огромным физическим усилием помешал им сделать это. «Не троньте ее, царские ищейки!» – в гневе вскричал он. Затем, обращаясь к татарам, заполнившим его дом, Джеваир произнес: «Братья! Я поручаю Заиме вам!...»

Снаружи офицер запрыгнул на коня и направился в сторону Судака. За ним последовал арестованный в окружении четырех солдат с саблями наголо. Снег перестал падать, задул ледяной, пронизывающий, северный ветер...

Твердым шагом, низко опустив голову, Джеваир удалялся от своей деревни. Он ни разу не обернулся. В этот момент он потерял всякое ощущение реальности. У него не осталось ни надежд, ни воспоминаний. Он продолжал жить просто по инерции.

Вскоре конвой вынужден был сделать остановку в том месте, где дорога переходила в узкую тропинку. Было необходимо поменять порядок следования. Офицер спешился и пошел впереди, ведя своего коня под уздцы. Джеваир двинулся следом. Впереди и позади него по двое шли солдаты. Тропинка была очень скользкой, поэтому процессия двигалась очень медленно. Этот отрезок дороги длиною в четыре километра огибал все извилины горы, то опускаясь в глубину оврагов, то резко поднимаясь вверх, нависая над головокружительными пропастями... С северной стороны высились покрытые снегом отроги горной Яйлы, справа за завесой густого тумана слышался гул волн и испуганные крики чаек.

После часа тяжелой ходьбы, когда конвой достиг каменистого ложа горного потока, офицер скомандовал привал. Все повалились на снег. Минуты этого отдыха вывели Джеваира из состояния паралича. Он вдруг отчетливо осознал, что его навсегда разлучили с Заиме!.. Заиме! Он никогда больше не увидит ее. Его глаза наполнились слезами. С пронзительной четкостью он вспомнил нежный профиль любимого лица в свете домашнего очага. В его ушах вновь зазвучал душераздирающий женский крик...

Вскоре они продолжили свой путь. Будучи в состоянии абсолютного отчаяния, Джеваир видел свое спасение только в смерти. Он мог бы задушить себя цепями, броситься на конвоира, он мог бы... Внезапно улыбка осветила его лицо. Посмотрев куда-то вдаль, он увидел выход... В этот момент тропинка приближалась к морю, к тому месту, где внизу о скалы бешено бились волны. Ничего не изменилось в походе Джеваира. Он продолжал идти твердым шагом, лишь только взгляд его приобрел странный блеск, челюсти сжались, а пальцы впились в цепь. И вдруг, разогнавшись, он стремительно

рванул вперед, поскользнулся, упал, вновь поднялся, и бросился в пропасть, прокричав на лету чье-то имя...

Пораженные конвоиры удивленно переглянулись. «Ничего, – спокойно произнес офицер, рубанув по воздуху тыльной стороной своей правой руки, – вложите сабли в ножны и продолжим наш путь!»

Довольные тем, что их руки больше не будут мерзнуть на холоде, спокойным шагом солдаты двинулись по дороге в Судак.

Феодосия, 8 апреля 1905 г.